

Среда, 14-го декабря 1911 г. № 5

Утро Сибири

Общественно-Экономическая, Политическая и Литературная газета

Выходитъ въ Томскѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Адресъ конторы и редакціи: Ямской пер., д. Н. И. Орловой. Телефонъ № 307.

но имя, известность. Она будет кратко-
вать, спорить, не соглашаться, но все таки
появится на авансцене в аудитории, если про-
скажется на авансцену На деканате П-рова
пришлось слышать: «это не лекция, а
популярная проповедь», и, наконец, «не
лекция, а ряд забавно разбавленных
анекдотов». Между тем, публика не толь-
ко охотно наполняла залы, а по целым
часам проставала возле кассы, ожидая
возможности получить хоть какие-нибудь
билеты, которых почти всегда не доста-
вало. Но вот приехал г. Грифцев, чело-
век мало популярный, но человек, с
которым тоже можно соглашаться или
не соглашаться, человек г. Петров, развертыва-
ет целую веревку вопросов, которые
тут же немедленно должны интересовать
всего читающего человека, — и его встре-
чает небольшая группа молодежи.

Приходится согласиться с г. Грифце-
вым, когда он говорит, что слава яв-
ление в высшей степени причудливое.
Создавая новую оценку творчества Турге-
нева, лектор указывает, что в истории
литературы всегда можно поставить во-
прос: почему тот или иной писатель
стал другом читающей массы? Ответить
можно различно. Литератор стал дорог
потому, что он внимательно подслушал
ворков около пруда в глубинах нашей
пестрой жизни и умело изобразил ее в
своем произведении, писатель дорог по-
тому, что он ответил на волнующий
наш вопрос, дорог потому, что он по-
нял и одним лучшим пережил с нами
все наши стремления. И вот поэтому то
нужно выдвигать из русской литературы
имена людей, которые никогда не загла-
дятся в памяти забывающей поколений.

Тургенев не любил лавры, он не
знал славы, и его одна из причин
неудачного воспроизведения людей его эпо-
хи. Все выведенные писателем типы по-
хожи один на другого. Они все полны
стремления к широким общественным
идеалам, но эти стремления к этим
идеалам принимает как-то незаметно и
уродливые формы. Тургенев не мог во-
плотить в своем творчестве всю много-
гранность окружающей его жизни. Турге-
нев не умел подходить к общим во-
просам, но он талантливо рассказывал в
своих произведениях о драме собствен-
ной души, он умело поведал миру об
одной его жизни.

И эта жизнь полна мук, гора, страдан-
ий и безысходной тоски.

Во целом ряде произведений Тургене-
ва лектор указывает, как автор тяго-
тился жизнью. В одном из его го-
воров: «ему не хочется жить», в дру-
гом: «пора взять голову в обе руки и
заставить молчать сердце».

В жизни не было ничего, что бы возни-
гало огнем радости в душе Тургенева.
Ничего не провозглашает искусство, оно
все равно обречено на гибель, остаются
жить только безразличные, спящими вер-
шинами могучих Альп.

В природе писатель видел вечную
затаенную вражду к человеку. Любовь к
женщинам была для Тургенева не звонким
аккордом радости, а большим чувством.
Жизнь же вообще — это не шутка, не забава,
не наслаждение, а тяжелый труд, трудная
цель неизбежности; нечего ждать, не на
что надеяться. Если даже есть мечты, же-
лания, все равно неизбежность приведет
к краю дороги, и будешь смотреть, как
проходишь по ней другие, которых ждешь
не лучшей участи.

Но как совмещать эти две Тургене-
вы? С одной стороны, романсы о новой
общественности, с другой — плач, лирика,
отрицающая жизнь и ее действительность.

Это-то и давало материал критике считать
первоначальную ценность тургеневского твор-
чества.

В первой части своей лекции, продол-
жает г. Грифцев, и пытался определить
новую сущность Тургенева. В русской ли-
тературе более близкого к нам периода
есть другое имя, имя А. П. Чехова, ро-
дственного по духу этому другому Тургеневу.
Каждый из них равно воспринимал
жизнь, равно подходил к оценке ее яв-
лений.

Но их сближало одно — красота и не-
избежность человеческого страдания.

Чехов, как и Тургенев, боялся жизни,
боялся любви, чувствовал своей человече-
ский страх перед природой, которая у
него, как у Тургенева, всегда враждебна
человеку. Они повторяли устами выведен-
ного из героев их рассказов «Страх» тур-
геневских: «Страхом то, что в жизни нет
ничего страшного». Они, как и Турге-
нев-лирик, не видели в обильном нача-
ле жизни и устами одного из своих ге-
роев, Иванова, знали людей сдалась им
судьба и многоликие. Знали уже у него
заучать те же коты, что и в рассказе
о своих альпийских вершинах проза-
ического охотника Тургенева. Взаим-

Тургеневъ и Чеховъ.

(Лекція Грифцева).

Увы, приходится констатировать тот
печальный факт, что нашей публике нуж-
но, «Дав. Ж.»